

Летние осы кусают нас даже в ноябре

Комедия в одном действии

Действующие лица:

Елена, 35–40 лет.

Марк, 60–70 лет.

Йозеф, 60–70 лет.

– Отчего же ты плачешь?

– Оттого, что я один.

– Разве ты один?

– Я чувствую и живу так, будто я один.

Ингмар Берн. «Диалоги одиноких». Стокгольм, 1986 г.

На сцене Марк, Елена и Йозеф. Долгая пауза. Какое-то продолжительное время все молчат.

МАРК. Знаешь, Сарра, Маркус не мог быть у тебя в прошлый понедельник, потому что в прошлый понедельник он был у Дональда.

ЙОЗЕФ. Да, это правда, в понедельник Маркус был у меня, он приехал к нам в воскресенье поздно вечером, а уехал рано утром во вторник, чтобы к одиннадцати часам успеть на поезд в Стокгольм.

ЕЛЕНА. Значит, по-твоему, я вру, Роберт?

МАРК. Я не хотел бы произносить таких резких слов, но, согласишься, тебе нужно как-то объяснить мне, что это за мужчина был в нашем доме в прошлый понедельник?

ЕЛЕНА. В прошлый понедельник у нас был Маркус.

МАРК. Дональд?

ЙОЗЕФ. Весь прошлый понедельник Маркус гостил у меня, и я прошу вас, давайте уже прекратим этот странный разговор.

МАРК. Но я должен выяснить, черт возьми! Я имею право знать, кто был у моей жены в мое отсутствие и почему ты мне врешь, Сарра?!

ЕЛЕНА. Я тебе не вру, Роберт, в прошлый понедельник у нас в доме гостил твой брат Маркус.

МАРК. Сарра, я прошу тебя прекратить, слышишь?! Из уважения ко мне, к нашему браку я прошу тебя немедленно прекратить!

ЙОЗЕФ. Роберт, я думаю, нам всем стоит прекратить этот разговор, раз уж все зашло настолько далеко и нет какого-то разумного решения этого вопроса...

ЕЛЕНА. Разумное решение вопроса есть.

Елена достает из кармана мобильный телефон.

ЕЛЕНА. Сейчас мы позвоним Маркусу и все узнаем.

МАРК. Господи, не сходи с ума, Сарра, зачем весь этот цирк, зачем втягивать в это дело бедного Маркуса, остановись, я прошу тебя?!

Елена говорит по телефону.

ЕЛЕНА. Алло. Привет, Маркус. Это Сарра, здесь рядом твой брат Роберт, мне кажется, он хочет задать тебе какой-то вопрос, передаю ему трубку...Что? Нет-нет, с вашей мамой все в порядке, Роберт сейчас сам все тебе объяснит.

Елена передает телефон Марку.

МАРК. Алло. Привет Маркус. Ха-ха. Кажется, летние осы кусают нас даже в ноябре. Как дела, старина? Что? У! Нет-нет. Мы тут просто не знаем, чем заняться. Нет, мы не дома, и с нами тут еще Дональд, мы тут троим, и мы, честно говоря, слегка задурили себе головы, и вот, кажется, теперь хотим задурить голову и тебе. Мама? Я разговаривал с ней сегодня утром, и она сказала, что еще не хочет возвращаться, так что я планирую забрать ее на следующей неделе, а она что, что-нибудь говорила тебе на этот счет? Ах, Сейлэнт! Ох уж этот Сейлэнт, послушай, Маркус, с тех пор как умер отец, не прошло и двух лет, а наша мать все чаще и чаще принимает у себя этого Сейлэнта. Я уверен, что ее желание остаться в пансионате до конца ноября связано именно с этим. Кстати, Маркус, ты был у нас в гостях в прошлый понедельник, когда я как раз ездил к матери? Ага. Да?! Нет, почему же? Почему же, она мне сказала об этом, но просто?.. Фу. Значит, ты действительно в прошлый понедельник был у нас? Да нет же, все в порядке, я просто хотел уточнить, потому что... Ну конечно, Сарра сказала мне... Просто... Ну послушай... Нет, нет, ничего... Жаль, что нам не удалось повидаться, надеюсь, в этот понедельник ты снова к нам заедешь, договорились? Что? Ах, в этот понедельник ты собираешься навестить Дональда? Ага. Он тебя пригласил. А разве ты не был у него в прошлый понедельник, Маркус? Что?! Ах, черт побери, ну конечно! Прости, я не издеваюсь над тобой, просто я что-то сегодня действительно плохо соображаю. Нет, я не болен, Маркус. Все в порядке. Рад был тебя слышать, дорогой мой, и до встречи в этот понедельник. Ах, да! Да-да, я забыл, ты едешь к Дональду. Извини, если честно, то мы тут немного покурили, ну сам знаешь чего. Не могу говорить об этом по телефону... Ну сам знаешь, ну, когда это покурят, то... Ну... Ну это не простые сигареты, а сам понимаешь какие, в общем, это не телефонный разговор... Ну ты, кажется, понял, о чем я... После этого еще начинают сильно смеяться... Ха-ха...

Марк начинает смеяться. Он смеется так, как будто действительно накурился марихуаны.

МАРК (*сквозь смех*). Извини, Маркус... Мне сейчас трудно говорить, потому что я смеюсь... Я передаю трубку Сарре... Пускай она тебе все объяснит...

Марк передает трубку Елене и потихоньку успокаивается.

ЕЛЕНА. Да, Маркус. Ну конечно, все в порядке. Просто мы слегка дурачимся, вот и все. Да-да, все правда очень хорошо. Ты знаешь своего брата, он никогда не потеряет голову до конца. Мы любим тебя, рада была тебя услышать. До встречи, Маркус. И тебе привет от Дональда, он сейчас как раз машет тебе рукой. Обязательно передам. До свидания, Маркус.

Елена убирает телефон в карман.

ЕЛЕНА. Тебе привет от Маркуса, Дональд.

Пауза. Елена и Марк смотрят на Йозефа.

МАРК. Что происходит, Дональд?

ЙОЗЕФ. Я не знаю.

МАРК. В каком смысле – ты не знаешь?

ЙОЗЕФ. Я не знаю, что мне сказать вам.

МАРК. Но ты, наверное, должен объяснить нам, зачем тебе все это понадобилось?

ЙОЗЕФ. Понадобилось что, Роберт?

МАРК. Понадобилось все вот это, Дональд? Вся вот эта игра с Маркусом и его мифическим пребыванием в твоём доме в понедельник? Это ведь не просто какая-то там шутка, Дональд. Из-за тебя мы чуть не поссорились с Саррой...

ЕЛЕНА. Мы поссорились, Роберт.

МАРК. Что?

ЕЛЕНА. Ты сейчас сказал, что мы чуть не поссорились, а я хочу уточнить, что мы поссорились, Роберт.

МАРК. Ну вот, тем более.

Пауза. Какое-то время все молчат.

МАРК. Ну что ты молчишь, Дональд?

ЙОЗЕФ. Летние осы кусают нас даже в ноябре.

МАРК. Черт возьми, Дональд! Ты что, решил сегодня как следует поиздеваться над нами?! Дональд?!

Пауза. Марк успокаивается и смотрит на Йозефа с сочувствием.

МАРК. Тебе очень плохо, Дональд? Расскажи нам.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Понимаете, я устал. Я даже не знаю, как вам это объяснить. Я очень сильно устал от всего того, что меня окружает. От всего, буквально от всего, что я вижу. Я устал от этих деревьев, от улицы за моим окном. Устал от моего окна, от штор на моем окне. От вида за моим окном. Я устал от птиц, пролетающих в небе, и от их песен по утрам и вечерам. Я устал от завтрака, обеда и ужина. Устал от слов, от моей собаки, от моей жены, от того, что день постоянно сменяет ночь или наоборот. Я устал от

газет, от информации, устал от запаха мыла в нашем туалете, устал от улыбок своих соседей, устал от цвета стен в моем доме. Устал от слов, которые необходимо произносить каждый день. Устал от воды, которую нужно пить, чтобы не умереть от жажды. Я устал от всего, понимаете, от всего, что меня окружает, и даже от того, что у меня внутри. Я устал от своего сердца, от своих легких и от всей своей крови, которая течет по моим венам. Но больше всего на свете я устал от самого себя, понимаете? Я даже не знаю, как это можно объяснить? Понимаете, я ведь всегда сам с собой, где бы я ни оказался, я всегда здесь. И нет ни одной минуты, когда бы я мог хоть немного побыть без самого себя. И даже во сне я все равно ощущаю свое присутствие. Я всегда сам с собой, и я так устал от себя за все эти годы, что я больше не могу выносить собственного присутствия, но, к сожалению, с этим уже ничего не поделаешь, и я не знаю, как от себя избавиться, я уже думал о самоубийстве, но у меня не хватает смелости, и потом, мне противно думать, что я буду похож на всех этих придурков – поэтов и рок-музыкантов, которых я терпеть не могу, вроде этого Джима Моррисона.

ЕЛЕНА. Джим Моррисон не самоубийца, Дональд, он умер рано, но он умер своей смертью.

ЙОЗЕФ. Ну при чем тут это, вы ведь понимаете, о чем я?

Пауза.

МАРК. Когда ты в последний раз посещал своего психотерапевта, Дональд?

ЙОЗЕФ. У меня нет и никогда не было никакого психотерапевта, я не из таких.

МАРК. Не из каких, Дональд?

ЙОЗЕФ. Не из таких, которые ходят к психотерапевтам.

МАРК. А что плохого в том, чтобы иногда посещать психотерапевта? Мне кажется, если бы ты, Дональд, хоть иногда посещал психотерапевта, то ты не испытывал бы таких проблем, которые ты испытываешь сейчас. Потому что хороший психотерапевт всегда сможет посоветовать тебе, что нужно делать, чтобы не уставать от пения птиц за окном. Понимаешь, о чем я?

ЙОЗЕФ. Я не болен, Роберт. Я прекрасно знаю о том, что я не болен.

МАРК. Хорошо, ну а кто-нибудь еще знает об этом, кроме тебя?

ЙОЗЕФ. Конечно. Моя жена знает, что я не болен. Мои соседи знают, что я не болен. Твой брат Маркус знает, что я не болен.

МАРК. Кстати о Маркусе. Для чего ты придумал всю эту историю с Маркусом, Дональд?

ЙОЗЕФ. Я не знаю, Роберт. Я очень сильно устал, разве ты не слышишь, что я тебе говорю?

Пауза. Какое-то время все молчат.

МАРК. Похоже, что тебе действительно необходимо поговорить с хорошим психотерапевтом, Дональд. Я мог бы порекомендовать тебе одного очень хорошего психотерапевта. Действительно очень, очень хорошего.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Роберт, я хочу сказать тебе, что Маркус не был у вас в прошлый понедельник, потому что он был у меня. Он правда был у меня, Роберт.

МАРК. Перестань, Дональд. Я совсем не сержусь на тебя, я вижу, что с тобой правда не все в порядке, и я хочу помочь тебе. Давай я прямо сейчас позвоню своему знакомому психотерапевту, и вы договоритесь о встрече?

ЙОЗЕФ. Ох, Роберт, Роберт! Я бы очень не хотел втягивать в это дело свою жену, но, видимо, придется.

Йозеф достает из кармана мобильный телефон, нажимает кнопку «вызов».

МАРК. Что ты делаешь, Дональд?

ЙОЗЕФ. Звоню своей жене, я звоню Марте. Надеюсь, ей ты поверишь.

МАРК. Перестань, Дональд, ну зачем впутывать сюда еще и Марту?

ЙОЗЕФ. Но другого способа доказать тебе у меня нет. Алло, Марта. Послушай, вот тут рядом со мной находится Роберт, и он хочет задать тебе какой-то важный вопрос. Передаю ему трубку, дорогая.

Йозеф передает трубку Марку.

МАРК. Алло. Здравствуй, Марта. Как твои дела, как нога? Нет, я хотел задать тебе другой вопрос, но я спрашиваю о твоей ноге, потому что я переживаю за твою ногу, хотя вообще-то я хотел спросить тебя совсем о другом. Но вначале расскажи про ногу. Ты все еще ходишь на реабилитацию? Ага. И что говорит доктор, как долго все это будет продолжаться? Еще полгода? Почему так долго? Да перестань, ты никакая не старая, просто у тебя был сложный перелом, тут, видимо, нужно набраться терпения. Ну хорошо, я скоро обязательно навещу тебя. Я надеюсь. В последнее время у меня много дел в моем банке. Да еще моя мама никак не хочет возвращаться из пансионата, и приходится ездить к ней каждую неделю. Ездим с Маркусом по очереди, как на дежурство, один раз в неделю он, а в другой раз я. Кстати, Дональд говорит, что вы с Маркусом неплохо провели время в прошлый понедельник? Дональд говорит, что Маркус провел у вас две ночи и один день? Что? Ах, вы действительно очень хорошо провели время? Прости, ты хочешь сказать, что вы провели это время с Маркусом? Значит, он был у вас в этот понедельник?! Ты в этом уверена, Марта? Вернее, я хотел сказать, ты уверена, что это был Маркус, вернее, я хотел сказать, ты уверена, что это был именно прошлый понедельник, а не, скажем, понедельник две недели тому назад? Что? Нет, Марта, конечно, ничего не случилось. Да нет, обращай внимания, это я так, просто шучу. Я говорю, я шучу, это такая шутка, Марта, все в порядке. В чем шутка? Ну, видимо, в том, что Маркус был у вас в прошлый понедельник, наверное, в этом шутка, Марта. Ха-ха. Вообще-то мы тут немного покурили... Но не сигарет... А покурили... Ну ты понимаешь, чего... Ну того же самого, что мы один раз покурили на мой день рождения лет шесть тому назад, ты помнишь? Мы все тогда этого покурили... И ты тоже, Марта, ты помнишь? Мы тогда хохотали весь вечер, ты помнишь, Марта? Ну так вот, сейчас мы решили это повторить... Как это – кто мы? Я, Сарра и твой муж Дональд. Да, Дональд тоже. Извини, мы не стали звать тебя, но ведь у тебя же нога, ты можешь споткнуться, потерять равновесие и повредить ногу. Что значит, для чего мы это сделали? Ну как для чего, Марта, странный вопрос. Чтобы посмеяться, конечно. Ха-ха-ха. Прости, я больше не могу говорить, я просто умираю от смеха. Выздоровливай, дорогая, и до встречи.

Марк отдает телефон Йозефу. Йозеф убирает телефон в карман. Марк пристально смотрит на Елену.

МАРК. Сарра?

ЕЛЕНА. Да, Роберт.

МАРК. Что «да», Сарра? Что означает, это твое «да», Сарра?

ЕЛЕНА. Что я тебя слушаю, Роберт.

МАРК. Нет, Сарра, дорогая моя, это я тебя слушаю!

ЕЛЕНА. Я не знаю, что тебе сказать, Роберт.

МАРК. Что происходит, Сарра?

ЕЛЕНА. Я не знаю, Роберт.

МАРК. Ты не знаешь? Какого черта ты не знаешь?! Какого черта ты говоришь, что ты не знаешь? А кто знает, Сарра? Кто?! А, Маркус?! Выходит, он наврал мне?! Маркус! Кто бы мог подумать, наш Маркус! Десять минут назад по телефону он же наврал мне?! Мой родной брат наврал мне? Я хочу знать, почему вы это делаете? Я хочу знать, зачем вы это делаете?! Сарра, я хочу знать, скажи мне, для чего вы это делаете, ты и Маркус?

ЕЛЕНА. Что мы делаем, Роберт?

МАРК. Все вот это. Вот это вранье, вот эти звонки. Я хочу знать, что происходит, Сарра? И я не хочу слышать о том, что ты не знаешь. Слышишь? Я не хочу слышать о том, что ты не знаешь?! Слышишь? Ты меня слышишь, Сарра? Я не хочу слышать о том, что ты меня не слышишь, Сарра?

ЕЛЕНА. Я тебя слышу, Роберт, успокойся.

МАРК. Тогда объясни мне, черт побери!

Пауза.

ЕЛЕНА. Это не так просто объяснить, Роберт.

МАРК. Я не хочу слышать о том, что просто, а что сложно, я требую объяснений, какими бы сложными они ни оказались! Я требую объяснений, и как можно быстрее. Или я лучше сейчас позвоню Маркусу, пускай он мне все объяснит.

Марк достает телефон, нажимает кнопку вызова.

ЕЛЕНА. Не нужно ему звонить, Роберт.

МАРК. Нет, почему же?! В конце концов, он мой родной брат... Вот черт! Он недоступен. Он отключил телефон. Ну конечно, ему не хочется давать объяснения, я понимаю!

Марк убирает телефон в карман.

ЕЛЕНА. Маркус сейчас на мессе, сегодня же воскресенье.

МАРК. Маркус на мессе! Интересно, как он найдет в себе силы подойти к святому причастию после всего этого вранья?!

ЙОЗЕФ. Позволь мне кое-что объяснить тебе, Роберт.

МАРК. А при чем тут ты, Дональд? Я хочу услышать объяснение от моей жены.

ЙОЗЕФ. Потому что я твой друг, Роберт. Я друг вашей семьи. Я люблю вас, тебя и Сарру, и я хочу, чтобы у вас все было хорошо, и мне кажется, что я понимаю, что тут у вас происходит, и я думаю, что смогу объяснить вам. Сарра, Роберт, позвольте мне поговорить с вами начистоту. Я ваш друг, и никто, кроме меня, не скажет вам то, что нужно сказать, не скажет прямо в лицо, понимаете? Даже твой психотерапевт, Роберт, не скажет вам всего этого, потому что он слишком зависит от того огромного гонорара, который ты ему платишь. Никто вам этого не скажет, а я скажу. Выслушайте меня. Я действительно хочу вам помочь.

Марк пожимает плечами. Пауза.

ЕЛЕНА. Ну, если тебе действительно есть что сказать...

ЙОЗЕФ. Мне есть что сказать, Сарра. Мне есть что вам сказать, Роберт.

Небольшая пауза. Йозеф собирается с мыслями.

ЙОЗЕФ. Однажды небольшое стадо диких оленей переходило вброд горную реку. Река была не очень глубокая, но течение воды было сильное. Такое сильное, что никому из оленей не удавалось устоять в потоке воды. И вот эти олени никак не могли перейти эту реку. А перейти ее им было очень нужно, потому что здесь, по эту сторону реки, пустынная земля, камни, скалы и редкие деревья, а там, за рекой, прекрасные поля с зеленой травой, роскошные кустарники с любимыми оленьими колючками, да плюс еще там везде росла эта... Ну как ее там, такая круглая красная ягода растет на больших специальных кустах, от нее еще умирают волки.

ЕЛЕНА. Волчья ягода.

ЙОЗЕФ. Да ну нет, что ты? От волчьей ягоды волки, наоборот, живут, поэтому она и называется «волчья». А я говорю о такой ягоде, которую очень любят олени, но которая страшно отпугивает волков. Поэтому олени и стараются быть поближе к этой ягоде. Во-первых, она очень вкусная, а во-вторых, она отпугивает волков.

МАРК. Ты что, сошел с ума, Дональд?

ЙОЗЕФ. Подожди, Роберт, не перебивай меня. Так вот, сильная быстрая река, и никто из оленей не может перейти ее вброд. Никто. И весь этот рай, вся эта красота, вся вкуснотища, которую мы, олени, любим больше всего на свете, – все это там, на другой стороне реки. А мы тут. Вот так вот, дорогой мой Роберт, вот так вот.

Пауза.

МАРК. Я что-то не понимаю, ты что, действительно сошел с ума, Дональд?! Что ты несешь?

ЙОЗЕФ. Если тебе есть что мне возразить, то, пожалуйста, говори.

МАРК. Возразить?! Возразить на что, Дональд?

ЙОЗЕФ. На то, что я только что сказал, Роберт?

МАРК. На то, что ты только что сказал, Дональд? На то, что ты только что сказал, Дональд, тебе сможет возразить только квалифицированный психотерапевт, а возможно, здесь уже требуется квалифицированный психиатр.

ЕЛЕНА. Ну почему же, Роберт? Мне, например, есть что ответить Дональду, хотя я и не психиатр. Дело в том, Дональд, что если долго идти вниз по реке, то когда-нибудь обязательно будет мост.

ЙОЗЕФ. Что-что?! Какой мост, Сарра, я прошу тебя, откуда ему взяться, этому твоему мосту, кто его построит, этот твой мост?

ЕЛЕНА. Бог его построит, Дональд. Господь Бог.

ЙОЗЕФ. Перестань, Сарра, мы же все здесь взрослые люди.

МАРК. Что тут, черт возьми, происходит?! О чем вы говорите?!

ЕЛЕНА. Извини, Роберт, но я не могу ему не ответить. Видишь ли, Дональд, в твоём сердце есть что-то такое, чего тебе не хочется замечать. А знаешь, почему тебе не хочется этого замечать, дорогой мой?

МАРК. Сарра, я прошу тебя немедленно прекратить все это.

ЙОЗЕФ. Ну почему же, Роберт, пусть она продолжит, очень даже интересно послушать, что она скажет.

ЕЛЕНА. А тут, собственно, и не о чем говорить, Дональд. Ты не хочешь замечать в себе ответственность, которую каждый из нас имеет перед этим миром. Ты несешь ответственность за свою жизнь, Дональд, но тебе не хочется этого признавать, потому что без ответственности удобнее жить, вот и все.

ЙОЗЕФ. А кто несет ответственность за всех этих убитых детей в Ливии, в Афганистане, в Ираке, во Вьетнаме, в Хиросиме и Нагасаки. Кто? Тоже я?

ЕЛЕНА. Да, Дональд. В том-то и дело, дорогой мой, что именно ты.

ЙОЗЕФ. Я?!

ЕЛЕНА. Все мы, Дональд. Я, Роберт, ты и твоя жена Марта.

МАРК. Я, кажется, начинаю понимать, что тут происходит! Это что, все для того, чтобы увести разговор в сторону? Вы что, считаете меня идиотом? Думаете, я не понимаю?

ЕЛЕНА. Ты напрасно сердись, дорогой. Дональд сейчас затронул очень щекотливую и острую тему. Разве тебе нечего сказать по этому поводу?

МАРК. Я требую, чтобы вы немедленно прекратили все это! Из уважения ко мне, к нашей дружбе, я прошу вас немедленно прекратить все это!

ЙОЗЕФ. Ну при чем тут эмоции, Роберт, неужели мы не можем спорить ради выяснения истины, а не ради утверждения собственного эго?

ЕЛЕНА. Ты только посмотри, какими словами он заговорил, Роберт!

МАРК. Я требую, чтобы вы немедленно заткнулись оба! Заткнитесь оба! Я требую прекратить все это. Что тут происходит? Я требую объяснить мне?!

Пауза. Марк слегка успокаивается.

МАРК. Я еще раз повторяю свой вопрос, что здесь сейчас происходит?

Йозеф не отвечает.

МАРК. Почему вы молчите? Сарра?

ЕЛЕНА. Нельзя одновременно и заткнуться, и отвечать на вопросы.

МАРК (*выходит из себя и кричит*). Что?! Да вы что?! Да я!.. Да ты!.. Вот черт!.. Да я не хочу вас видеть после всего этого. Не хочу вас видеть!!! Я не хочу тебя видеть, Сарра! Не хочу тебя видеть!!!

Марк в гневе уходит со сцены.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Я не убийца детей, Сарра. Я не голосовал за тех, кто сейчас у власти, и я не работаю на государственном предприятии. Я даже не ношу обувь из натуральной кожи, и ты знаешь, что мы с Мартой уже много лет вегетарианцы, и, таким образом, я не участвую не только в убийстве человеческих детей, но и в убийстве детей коров я тоже не участвую.

ЕЛЕНА. В смысле – телят?

ЙОЗЕФ. Что?

ЕЛЕНА. Дети коров – это телята, я просто хотела уточнить.

ЙОЗЕФ. А зачем привязываться к словам, Сарра?

ЕЛЕНА. Потому что когда в молодости твоя жена Марта сделала аборт, то ты не только знал об этом, Дональд, но даже в какой-то мере ты сам настоял на этом, так, во всяком случае, мне сказала Марта. Вот почему я привязываюсь к словам, дорогой мой.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Ох уж эта Марта! Вы, женщины, действительно не можете держать язык за зубами.

ЕЛЕНА. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что аборт – это не убийство ребенка?

Пауза.

ЕЛЕНА. Аборт — это убийство ребенка, Дональд?

ЙОЗЕФ. Ну конечно, Сарра. Ну конечно.

Пауза.

ЕЛЕНА. И что, Дональд? Почему ты замолчал, Дональд?

ЙОЗЕФ. Извини, Сарра, я не хочу говорить об этом. Давай не будем продолжать этот разговор. Давай перейдем на другую тему. Давай поговорим о тебе, например.

ЕЛЕНА. О, Дональд! Боюсь, что я не самая интересная тема для разговора.

ЙОЗЕФ. И все-таки мне очень интересно, кто же это был у тебя в прошлый понедельник, что это за мужчина, визит которого ты пыталась скрыть от своего мужа?

ЕЛЕНА. Если ты не хочешь говорить об аборте Марты, то почему я должна рассказывать тебе о своей личной жизни? Дружба строится на доверии, Дональд. Ты доверяешь мне, я доверяю тебе. Ты не доверяешь мне, я не доверяю тебе. Доверие за доверие.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Да, много лет назад я настоял на том, чтобы Марта сделала аборт, потому что я не люблю детей, Сарра. Я с детства не люблю детей, и я был бы плохим отцом. И я всегда знал об этом. И я никогда не хотел иметь детей. Поэтому мы с Мартой всю жизнь тщательно предохранялись. Но вот однажды мой презерватив дал трещину, и мой проклятый сперматозоид проник в ее несчастную яйцеклетку. Однако, трезво рассудив, мы с Мартой пришли к выводу, что новому человеку лучше вообще не появляться на свет, чем быть сыном плохого отца, который тебя не любит. Так я решил. И Марта согласилась с моим решением.

ЕЛЕНА. Так ты решил, Дональд? Да кто ты такой, чтобы решать, кому появляться на свет, а кому нет? Ты что, возомнил себя Господом Богом? Не много ли ты на себя взял, Дональд?

ЙОЗЕФ. Не много, Сарра. Ровно столько, сколько я смог на себя взять. Тем более что я не верю в Бога и считаю, что кроме нас, людей, на этой планете никто не принимает никаких сознательных решений. Мы принимаем все эти гребанные решения. И точка. Ну а теперь твоя очередь, Сарра. Расскажи мне, кто был у тебя в прошлый понедельник? Доверие за доверие.

ЕЛЕНА. Ну хорошо, Дональд. Доверие за доверие. Вот уже несколько лет я встречаюсь с другим мужчиной. Я люблю другого мужчину. Я счастлива и несчастна одновременно.

ЙОЗЕФ. И ты принимаешь его в доме своего мужа? Но как тебе удалось уговорить Маркуса подтвердить твою ложь? Ведь, насколько я знаю Маркуса, он вообще никогда не врет.

ЕЛЕНА. Это очень странно, что ты об этом говоришь, Дональд. Ведь ты же прекрасно знаешь, что в прошлый понедельник Маркус действительно был у меня. И ему не нужно было врать.

ЙОЗЕФ. Перестань, Сарра. В прошлый понедельник Маркус был у меня, и ты прекрасно знаешь об этом. Зачем продолжать этот цирк, когда рядом с нами нет Роберта?

ЕЛЕНА. Вот именно, Дональд, зачем продолжать этот цирк, когда рядом нет Роберта, ведь ты прекрасно знаешь, что в прошлый понедельник Маркуса у вас не было и не могло быть. Однако меня поразило то, с какой легкостью Марта может говорить неправду. Честно признаюсь, я никогда бы не подумала, что она способна на такое.

ЙОЗЕФ. Н-да?

ЕЛЕНА. Н-да.

Пауза.

ЕЛЕНА. Ну надо же?! Кто бы мог подумать, что Марта будет способна на такое!

ЙОЗЕФ. Да, Марта способна на многое, на очень многое, Сарра. Она даже оказалась способной съесть свой собственный палец.

ЕЛЕНА. Что это за такая странная метафора, Дональд?

ЙОЗЕФ. Это не метафора, Сарра. Это опыт, который мы с Мартой однажды получили. А разве она тебе не рассказывала, как мы съели ее палец?

ЕЛЕНА. Что-что?

ЙОЗЕФ. Ну ты же знаешь, что у Марты нет пальца на правой руке. Нет указательного пальца. Она потеряла его в молодости. Это случилось в результате несчастного случая, который произошел на ее работе...

ЕЛЕНА. Я знаю эту историю, Дональд.

ЙОЗЕФ. Знаешь о том, что мы съели ее палец?

ЕЛЕНА. О господи, конечно нет! Я знаю историю о том, как Марта потеряла палец.

Елена пристально смотрит на Йозефа.

ЕЛЕНА. Что ты такое говоришь, Дональд?!!

ЙОЗЕФ. Понимаешь, когда с Мартой произошел этот несчастный случай, то она попала в больницу, и там ей ампутировали этот палец. Ну и Марта попросила хирургов отдать ей отрезанный палец. Не знаю, зачем она это сделала, наверное, от шока? И вот она вернулась домой из госпиталя вместе с отрезанным пальцем. Еще не зная, что с ним делать, Марта положила палец в холодильник. Там я его и обнаружил. И знаешь, когда я увидел там этот палец, то две мысли пришли мне в голову. Первая мысль, что ведь это обычный кусок мяса, и он лежит рядом с другим куском мяса, в то время мы еще не были вегетарианцами, и у нас в холодильнике прямо рядом с пальцем лежал кусок замороженной говядины. Ну и я подумал, что вот передо мной мясо коровы, а вот мясо человека. Мясо и мясо. И тогда мне в голову пришла вторая мысль, что вот я проживу всю жизнь, но так никогда и не узнаю вкус человеческого мяса. Ну как мне представится такая возможность? Где я возьму человеческое мясо? Ведь не убийца же я? А тут вот. Вот оно лежит. И никто при этом не отдал свою жизнь, и никакого греха при этом не было совершено. Ну вот мне и пришло в голову попробовать человека, раз выпала такая возможность в виде пальца. И вот я рассказал об этом Марте, и она, к моему удивлению, сразу же согласилась. И тогда мы сварили этот палец, а потом, отделив мясо от костей, съели. Там вышло-то всего по крохотному кусочку, ну что ты хочешь – женский палец, тем более что в то время Марта была худенькой девушкой, не такой рыхлой подушкой, как сейчас. Ну вот мы это сделали, и, кстати, сразу после этого мы решили стать вегетарианцами, и с тех пор мы не едим не только мяса, но и рыбу тоже, вот так вот.

Елена в ужасе смотрит на Йозефа.

ЕЛЕНА. Зачем вы это сделали, Дональд?!

ЙОЗЕФ. Ради получения опыта. Ты когда-нибудь ела людей, Сарра?

ЕЛЕНА. Ну конечно нет.

ЙОЗЕФ. Ну вот, а я ел.

ЕЛЕНА. Ну а Бог, Дональд? Бог?!

ЙОЗЕФ. Да нет никакого Бога, Сарра. К тому же, ты уж извини меня, но съесть свой собственный палец – это все-таки не такой уж грех по сравнению с тем, что кое-кто изменяет своему мужу в его собственном доме...

ЕЛЕНА. Во-первых, мы встречаемся не у нас в доме, а в какой-нибудь гостинице. А во-вторых, это же любовь, Дональд. Разве ты не видишь разницы между грехом и любовью? Я и этот мужчина, мы любим друг друга, понимаешь? Впрочем, тебе ведь неизвестно, что такое любовь.

ЙОЗЕФ. Зачем же меня оскорблять, Сарра? Я намного тебя старше, и я не заслужил такого к себе отношения. Я люблю свою жену, и мы вместе уже почти сорок лет, в то время как вы с Робертом не прожили вместе еще и десяти, а ваш брак уже дал трещину. Так кто из нас двоих знает, что такое любовь, дорогая моя?

ЕЛЕНА. Я! Потому что я люблю этого мужчину, а ты не любишь свою жену, Дональд.

ЙОЗЕФ. Откуда ты это знаешь, Сарра? Я люблю Марту.

ЕЛЕНА. Марта мне сказала об этом. Она рассказала мне, как в первую же брачную ночь ты признался ей, что ты ее не любишь и что ты женился на ней только из-за денег ее отца.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Которые, кстати, так нам еще и не достались, потому что ее отец, этот девяностолетний пакет огородных удобрений, все еще курит свои вонючие сигары на веранде своей роскошной виллы. И мне кажется, что он переживет всех нас.

ЕЛЕНА. Марта рассказала мне, что ты даже отказался заниматься с ней любовью в первую брачную ночь, потому что у вас не было презервативов. И что когда она рыдала, то ты даже не попытался ее успокоить, а просто ушел в другую комнату и там спокойно заснул. Не подумай, что она мне жаловалась, Дональд, но просто иногда Марта чувствует себя очень одиноко и ей хочется рассказать кому-нибудь о своей тяжелой жизни.

ЙОЗЕФ. Ох уж эта мне Марта. Как говорится, действительно летние осы кусают нас даже в ноябре.

Входит Марк.

МАРК. Я поговорил с Маркусом. Я был у него. Я поехал прямо к нему. Месса как раз закончилась, и Маркус вышел из церкви. Мы очень серьезно поговорили, глядя в глаза друг другу. И, разумеется, все мои сомнения отпали. В этот понедельник Маркус действительно был у нас. Он был с Саррой. Тебе не нужно мне ничего объяснять, Дональд. Я не хочу знать, почему ты это сделал и почему в этом участвовала твоя жена Марта. Я все равно люблю вас. И я повторяю, что если ты захочешь, Дональд, то я мог бы устроить тебя к очень, очень приличному психотерапевту.

Пауза.

МАРК. Сарра, я прошу тебя о прощении, я сильно погорячился. Я повел себя действительно очень плохо, прости меня.

ЕЛЕНА. Ничего, Роберт. Все в порядке. Поцелуй меня.

Марк целует Елену в щеку. Елена обнимает голову Марка руками и прижимает к себе. Марк обнимает Елену за талию. Они стоят, прижавшись друг к другу.

ЙОЗЕФ. Просто удивительно, как устроена эта жизнь. Минуту назад эта женщина рассказывала мне о своем любовнике, о том, как она его любит, о том, что это настоящая любовь, и вот спустя несколько минут она уже тает от счастья в объятиях своего муженька, который даже не подозревает, что ему наставили рога.

Марк подходит к Йозефу.

МАРК. Что ты сказал, Дональд?

ЙОЗЕФ. Спрашивай обо всем у своей жены, Роберт. Ей-богу, все вопросы к ней, а не ко мне, приятель.

МАРК. Что он говорит, Сарра?

ЕЛЕНА. Я не знаю, что он говорит, Роберт. Ты же видишь, что с нашим Дональдом не все в порядке.

ЙОЗЕФ. Ты же сама рассказала мне о своем любовнике. О том, как он был у тебя в этот понедельник.

ЕЛЕНА. В этот понедельник у меня был Маркус, Дональд, и, по-моему, наш разговор уже перестает быть смешным.

МАРК. Лично для меня он никогда не был смешным. Дональд, дружище, что с тобой? Как ты себя чувствуешь, дорогой мой?

ЙОЗЕФ. Я чувствую себя все хуже и хуже. Я в полном отчаянии. Я сильно устал от всего этого мира, который меня окружает. Я устал от пустыни, в которой находится моя душа. Я живу без любви, без Бога, без надежды на спасение. И без понимания, Роберт. Без какого-либо понимания с чьей-либо стороны. Я одинок в одиноком мире.

МАРК. Дональд, дорогой мой. Милый мой Дональд.

Марк обнимает Йозефа, прижимает его к себе.

МАРК. Ты не одинок, дружище. Ведь мы с тобой, приятель. Мы твои верные друзья – я, Сарра, Марта и Маркус, мы все любим тебя. Поверь. Мы любим тебя, дорогой ты наш Дональд. И мы поможем тебе, мы тебя вылечим, мы подключим самых лучших врачей, самых лучших психотерапевтов, самых лучших психиатров.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Роберт, твой брат Маркус в прошлый понедельник был у нас с Мартой.

МАРК. Ну-ну, успокойся, дорогой мой, все это пройдет, поверь мне, все пройдет.

ЙОЗЕФ. Но послушай, Сарра, ведь ты же сама сказала мне, что у тебя есть любовник, доверие за доверие, Сарра.

ЕЛЕНА. Я с тобой, Дональд, с тобой. Мы с Робертом сделаем все, чтобы тебя вылечить, тебе нужно только довериться нам, и все будет хорошо. Доверься нам, Дональд, доверие за доверие, дорогой мой.

ЙОЗЕФ. Я знаю, кто сможет вам доказать! Госпожа Гертруда, наша соседка. Она заходила к Марте за рецептом соевого гуляша как раз в прошлый понедельник, и она не просто видела Маркуса, но они даже разговаривали о сущности христианской исповеди. Сейчас я позвоню ей. У меня точно есть номер ее телефона.

Йозеф достает телефон и ищет в записной книжке телефона номер госпожи Гертруды.

МАРК. Ну, ну, ну, Дональд. Немедленно прекрати, слышишь.

ЙОЗЕФ. Ты же не заподозришь госпожу Гертруду во лжи, ведь так?

Йозеф нажимает кнопку «вызов».

МАРК. Дональд, ради бога, перестань, не нужно беспокоить бедную женщину.

ЙОЗЕФ. Она не бедная, Роберт. Алло, госпожа Гертруда. Добрый день! Это ваш сосед Дональд.

МАРК. Господи, я и не думал, что это настолько серьезно, я сегодня же позвоню своему знакомому профессору психиатрии в Копенгагене.

ЙОЗЕФ. Извините, что звоню вам посреди уикенда, но вот тут рядом со мной находится мой старинный друг, господин Роберт Иахим, он хочет задать вам какой-то вопрос. Нет-нет, он не член нашей общины. Но он мой лучший друг. Что-что? Нет, я не знаю, почему он не член нашей общины. Да, он католик. Да, с такой фамилией. Ну разумеется, он ходит в церковь. Вы прекрасно знаете его младшего брата... Но лучше вам поговорить с господином Иахимом напрямую, передаю ему трубку. Счастливого воскресенья, госпожа Гертруда.

Йозеф передает трубку Марку.

МАРК. Я не буду с ней разговаривать, Дональд. Немедленно извинись и скажи, что мы перезвоним позже.

ЙОЗЕФ. Женщина ждет, Роберт. Поговори с ней, она ярая католичка, председатель нашей католической общины, она скажет тебе только правду, поговори с ней. Неудобно заставлять женщину ждать, Роберт.

Марк берет трубку.

МАРК. Алло, госпожа Гертруда, добрый день. Меня зовут Роберт Иахим, как вам уже сказал мой друг Дональд. Видите ли... Что-что? Нет, я не принадлежу ни к какой общине, я просто посещаю католическую церковь по воскресеньям. Что? Ага. Ну хорошо, я подумаю над вашим предложением. Видите ли, мой родной брат... Что-что? Ах, вы меня знаете? Что-что? Вы знаете моего брата? Ну да, это не удивительно, он иногда бывает в гостях у Марты и Дональда. Что-что? Ах, вы разговаривали с ним в прошлый понедельник? Что?! В какой понедельник вы с ним разговаривали, госпожа Гертруда? Вы уверены? Вы уверены, что это было в прошлый понедельник? А вы уверены, что это был именно мой брат? О чем вы с ним говорили? Ах, о сущности исповеди, ага. Сколько вам лет, госпожа Гертруда? О, простите! У меня просто сорвалось с языка. О, я не хотел спрашивать о вашем возрасте, просто у меня сорвалось с языка. Я не знаю, как это произошло. Я прошу прощения, госпожа Гертруда, я хочу, чтобы

вы меня правильно поняли, я не хотел спрашивать вас о возрасте, я просто слегка не в своем уме, я, знаете, немного покурил, но не сигарет, госпожа Гертруда, а таких, знаете, совсем других сигарет. Что-что? Вы не понимаете, о чем я говорю? Ну конечно, вы не понимаете, о чем я говорю, ведь вы же наверняка не курите «другие сигареты». Что-что? Ах, вы вообще не курите? И это правильно, госпожа Гертруда. Что? Зачем я звоню? Я не знаю, госпожа Гертруда, последнее время я вообще перестаю что-либо понимать. Всего хорошего!

Марк обрывает звонок и передает трубку Йозефу.

МАРК. Я и правда ничего не понимаю. Сарра, ты можешь объяснить мне?

ЕЛЕНА. Я не знаю, Роберт.

МАРК. А ты, Дональд, знаешь?

ЙОЗЕФ. Летние осы кусают нас даже в ноябре, Роберт.

МАРК. Может быть, вы все просто меня разыгрываете? Может быть, вы все сговорились: и Маркус, и Марта, и даже госпожа Гертруда?

ЕЛЕНА. Какая же ты сволочь, Дональд.

ЙОЗЕФ. Я просто устал, Сарра, вот и все.

Пауза.

МАРК. Ну почему жизнь такая жалкая штука? Почему она ничего не стоит? Почему повсюду ложь, лицемерие и грязь? Столько грязи вокруг. Столько грязи вокруг. Столько грязи вокруг. Грязный, изуродованный мир. Зачем все это? Для чего Господь создал мир таким чудовищно жестоким? Зачем он послал в мир своего сына, чтобы мир распял Его? Он послал в мир своего сына, чтобы мир распял Его, но боюсь, что это миру никак не помогло. Эта жертва не спасла мир, как мы думаем.

ЕЛЕНА. Что ты такое говоришь, Роберт, опомнись?!

МАРК. Эта жертва была напрасной, мир по-прежнему во лжи и пороке, и с каждым днем становится только хуже и хуже.

ЕЛЕНА. Не нужно произносить таких слов, Роберт. Не бери на себя такой страшный грех, как богохульство.

ЙОЗЕФ. Говори что вздумается, приятель, и никого не бойся. Мир – это грязная, помойная лужа, никакого Бога нет, и некому наказать нас за все те ужасы, которые мы тут творим. Впрочем, и спасти нас от себя самих тоже некому. Мы все обречены.

МАРК. Грязь под ногтями, грязь в душе, грязь в семье, грязь в церкви. Грязь, грязь, грязь, всюду одна только грязь.

ЕЛЕНА. Возьми себя в руки, Роберт, Маркусу не понравилось бы то, что ты сейчас сказал.

МАРК. Маркусу?! А кто это такой, Маркус? Уж не тот ли это человек, что за один день дважды обманул своего родного брата?

ЕЛЕНА. Маркус не обманывал тебя, Роберт. В прошлый понедельник он действительно был у меня. Не нужно слушать Дональда, ты же видишь, что он не в себе.

ЙОЗЕФ. Но Роберт слушает не меня, Сарра, а госпожу Гертруду. Или ты скажешь, что она тоже сошла с ума, как и я?

ЕЛЕНА. Не знаю, Дональд. Я пока не могу объяснить, как тебе удастся все это повернуть. Я не знаю, почему эти две вполне милые женщины – твоя жена Марта и твоя соседка госпожа Гертруда, – почему они согласились поддержать твою большую фантазию, но я не оставлю это дело и доведу его до конца. Я сделаю это ради семьи, ради любви, ради веры. И ради Святой Жертвы, которая была принесена за всех нас. Маркус в прошлый понедельник был у меня, Роберт, потому что мы с Маркусом любим друг друга. Две недели назад у нас с Маркусом начались любовные отношения. Мы не находили в себе сил признаться тебе, мы несколько раз пытались расстаться, чтобы не совершать греха, но мы не могли сдержать своих чувств. Мы по-настоящему любим друг друга, и мы решили, что любовь искупит наш грех. Ведь любовь искупает все. Мы любим друг друга, Роберт. Я знаю, тебе сейчас, наверное, непросто услышать все это. Но рано или поздно это должно было случиться. Я не оправдываю себя ни в чем, но единственным оправданием мне и Маркусу пусть будут наши чувства. Любовь оправдывает все, если это любовь. А это любовь, Роберт. И прости меня за то, что ты только теперь узнал об этом, прости.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Но это ведь не доказывает того, что в прошлый понедельник Маркус был у тебя?

ЕЛЕНА. О чем тут еще говорить, Дональд? Когда и так все ясно.

МАРК. Но ведь этого не может быть, Сарра?

ЙОЗЕФ. Это вполне возможно, Роберт. Но я по-прежнему настаиваю на том, что Маркус был у меня.

ЕЛЕНА. В прошлый понедельник я была с Маркусом, Роберт. Я была с ним в нашей с тобой кровати.

МАРК. Но ведь этого не может быть, Сарра?

ЙОЗЕФ. Это вполне могло бы быть, Роберт, в любой день, кроме прошлого понедельника.

МАРК. Сарра?!

ЕЛЕНА. Прости меня, Роберт.

МАРК. Дональд?!

ЙОЗЕФ. Извини, дружище.

Марк в отчаянии смотрит то на Йозефа, то на Елену, потом резко поворачивается и очень быстро уходит.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Не понимаю, Сарра, если твой любовник Маркус, то кто же тогда был у тебя в прошлый понедельник?

ЕЛЕНА. В прошлый понедельник у меня был Маркус, Дональд.

ЙОЗЕФ. Но ведь в прошлый понедельник Маркус был у меня, Сарра.

ЕЛЕНА. Ты же прекрасно знаешь, где в прошлый понедельник был Маркус, Дональд.

ЙОЗЕФ. Он был у меня.

ЕЛЕНА. Ты же прекрасно знаешь, где он был.

ЙОЗЕФ. Он был у меня.

Йозеф и Елена смотрят друг другу в глаза. Не меньше чем минуту они пристально смотрят в глаза друг другу.

ЙОЗЕФ. Во что ты веришь, Сарра?

ЕЛЕНА. В спасение, Дональд.

ЙОЗЕФ. Кто тебя спасет, Сарра?

ЕЛЕНА. Бог меня спасет, Дональд.

ЙОЗЕФ. Ты веришь в Бога?

ЕЛЕНА. Да.

ЙОЗЕФ. А кто спасет меня, Сарра?

ЕЛЕНА. Бог, Дональд, если ты попросишь Его об этом.

ЙОЗЕФ. Но я не верю в Бога, Сарра, что же мне делать?

ЕЛЕНА. Просить у Бога дать тебе веру.

ЙОЗЕФ. Я ничего не могу попросить у Бога, Сарра.

ЕЛЕНА. Почему, Дональд?

ЙОЗЕФ. Потому что нельзя просить у того, в кого ты не веришь.

ЕЛЕНА. Почему, Дональд?

ЙОЗЕФ. Что значит – почему?

ЕЛЕНА. Почему нельзя просить у того, в кого ты не веришь? Ты ведь как раз и просишь у Него о том, чтобы Он помог тебе поверить.

ЙОЗЕФ. Ну хорошо, а без Бога я могу рассчитывать на спасение?

ЕЛЕНА. А что ты называешь «спасением», Дональд?

Пауза. Йозеф задумывается.

ЙОЗЕФ. Когда дождь перестанет лить.

ЕЛЕНА. Что, прости, я не поняла?

ЙОЗЕФ. Ты разве не заметила, что вот уже третий день постоянно идет дождь?

ЕЛЕНА. Ты шутишь, Дональд?

ЙОЗЕФ. Нет, Сарра, я нисколько не шучу. Я больше не могу выносить этот проклятый дождь. Все эти капли, которые падают на землю. Миллионы, миллионы капель падают на землю, падают на крыши наших домов, падают на наши головы, падают на головы наших детей.

ЕЛЕНА. Ну и что в этом такого, Дональд?

ЙОЗЕФ. Просто я все их ненавижу. Все эти капли вместе и каждую каплю в отдельности. Я ненавижу этот полет капли с неба и ее шлепок об асфальт, или о черепицу крыши моего дома, или, что еще хуже, о металлический карниз моего окна. Шлеп, шлеп, шлеп.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Шлеп, шлеп, шлеп.

ЕЛЕНА. Ну тогда, возможно, тебе действительно следует обратиться к психотерапевту.

ЙОЗЕФ. Но проблема в том, что я не верю в психотерапевта еще сильнее, чем я не верю в Бога.

ЕЛЕНА. А есть хоть что-нибудь, во что ты по-настоящему веришь, Дональд?

ЙОЗЕФ. Да, Сарра. Я верю в то, что в прошлый понедельник Маркус был у меня.

Входит Марк.

МАРК. Я поговорил с госпожой Гертрудой. Вернее, я пытался поговорить с госпожой Гертрудой. Я поехал к твоему дому, Дональд, чтобы поговорить с твоей соседкой с глазу на глаз. Но оказалось, что никакой соседки госпожи Гертруды у вас нет. Справа от вас живет господин Хельмут, старый холостяк, слева молодая семья, а госпожи Гертруды нет не только на вашей улице, но и вообще в вашем поселке. Как нет и никакой католической общины, в которую ты якобыходишь, Дональд. Не знаю, что это была за бедная женщина, с которой я разговаривал по телефону, и как тебе вообще удалось организовать весь этот спектакль, а самое главное – зачем? Ради чего, Дональд?

ЙОЗЕФ. Да, видимо, летние осы действительно кусают нас даже в ноябре, Роберт.

МАРК. Да уж.

ЕЛЕНА. А ты случайно не догадался зайти к Марте?

МАРК. Конечно, я догадался. Но дело в том, что Марта не открыла мне. Я стоял у ворот и звонил ей, но она не открыла мне. Хотя она была дома, потому что машина стояла во дворе и дым шел из каминной трубы. Я на сто процентов уверен, что она была дома. Ну конечно, я в каком-то смысле ее понимаю, ей ведь нелегко было смотреть мне в глаза. Но я на нее не обижаюсь, я знаю, что это Дональд приказал ей мне наврать. Мы же знаем, как она боится своего мужа.

ЕЛЕНА. А это правда, Дональд, что однажды ты несколько часов подряд заставлял Марту разлюбить тебя?

МАРК. Зачем, Дональд?!

ЕЛЕНА. Марта мне сказала, что он добивался от нее, чтобы она перестала его любить, он хотел, чтобы Марта испытала к нему отвращение и призналась ему в том, что она больше его не любит. Так он хотел доказать ей, что любовь – это то, что проходит. Но кончилось это тем, что бедная Марта потеряла сознание и так ни в чем и не призналась.

МАРК. Какой ужас. Бедная Марта!

ЙОЗЕФ. Ох уж эта Марта.

МАРК. Извини, Дональд, но я все-таки буду вынужден сообщить обо всем в местную психиатрическую больницу. Прости, но твое поведение становится небезопасным для окружающих.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Летние осы кусают нас даже в ноябре.

МАРК. Да, летние осы кусают нас даже в ноябре.

ЕЛЕНА. Да уж.

Пауза.

МАРК. Однажды, когда я был маленьким мальчиком, мой отец сделал мне из коры дерева маленький кораблик и приделал к нему бумажный парус. Это было так красиво, я был просто счастлив. Я побежал с этим корабликом к реке. И, замирая от счастья, я опустил свой кораблик на воду. Я до сих пор помню каждую секунду того дня. Я помню, как я бежал счастливый по тропинке в лесу, как я хотел быстрее оказаться у реки и как я оказался у реки. И как я дрожащими от счастья руками опускал кораблик в воду.

Пауза.

ЕЛЕНА. Ну и что дальше, Роберт? Что стало с корабликом?

МАРК. Он уплыл.

ЕЛЕНА. Роберт?

МАРК (*кричит на Сарру*). Ну что ты смотришь на меня, как на сумасшедшего?! Он уплыл, понимаешь, он уплыл! То, что есть у нас самого ценного, то, что есть у нас самого красивого, все это уходит от нас. Все это уплывает из наших рук. Я стоял там, у реки, и я умолял его вернуться, а он уплывал все дальше и дальше вниз по течению реки. А я стоял и рыдал. И я просил твоего Бога, Сарра, вернуть мне этот кораблик. Но река забрала его навсегда. Бог не в силах отменить течение реки. А если Бог не в силах отменить течение реки, то зачем мне такой Бог? Я хотел, чтобы этот корабль плавал по воде, но я не хотел, чтобы он уплыл от меня навсегда. И вот тогда я понял, что все, что плавает, все рано или поздно уплывет от тебя. И все, что летает, все улетит от тебя. И все, кто умеют ходить, все рано или поздно уйдут от тебя. И все, кто тебя любит, рано или поздно разлюбят тебя. А мы, мы всегда остаемся на берегу. Мы всегда смотрим на то, как наша любовь и наше счастье уплывают от нас вниз по течению.

Пауза

МАРК. Я не был у госпожи Гертруды, Сарра. Я никуда не ездил. Я просто сидел и сидел на скамейке и старался ни о чем не думать. Прости, Дональд, я верю, что Маркус в прошлый понедельник был у тебя. Я просто боюсь посмотреть правде в глаза. Мне страшно жить. Вот и все. Мой психотерапевт мне не помогает. И я устал не меньше тебя, Дональд. И я все так же, как и тогда в детстве, стою на берегу и смотрю, как мой кораблик уплывает от меня все дальше и дальше. И я знаю, что Бог не может остановить течение реки. Прости меня, Дональд.

Пауза.

ЕЛЕНА. Роберт, вот уже три года, как я встречаюсь с другим мужчиной. Но это, конечно, не Маркус, Роберт. Я не находила в себе силы признаться тебе.

МАРК. Я и не думал, что это Маркус, Сарра. И если честно, то я вообще об этом не думал.

ЕЛЕНА. А о чем ты думал, Роберт?

МАРК. Я не знаю. Наверное, о том, что летние осы кусают нас даже в ноябре.

ЙОЗЕФ. А что это означает, Роберт?

МАРК. Я не знаю.

ЕЛЕНА. Прости меня, я чувствую себя виноватой.

МАРК. Ты любишь это человека, Сарра?

ЕЛЕНА. Я не знаю, Роберт. Кажется, я вообще не знаю, что означает это слово.

МАРК. Почему же ты молчала целых три года?

ЕЛЕНА. Потому что я все время ждала, когда это закончится. После каждой нашей встречи я думала, что это была последняя встреча. Когда он уходил от меня, я была уверена, что он больше не позвонит. И вот вчера между нами состоялся серьезный разговор, и мы решили прекратить наши отношения. Это наше решение окончательное. Я все тщательно обдумала и уже не верну все назад, да и он уже тоже не вернется, он выбрал в пользу своей семьи, ведь он женат и имеет детей. И вот он решил вернуться в семью. И на этом все кончено. Я не знаю, сможешь ли ты простить меня или нет? Наверное, нет, и наш брак распался. Но, так или иначе, я прошу тебя простить меня за все, и поверь, что я всегда очень трепетно к тебе относилась, я всегда уважала тебя как мужчину. Любила ли я тебя? В каком-то смысле да. Любила ли я тебя так, как жена должна любить мужа? Наверное, нет, Роберт. А впрочем, я не знаю. Я теперь уже ничего не знаю.

Пауза.

ЕЛЕНА. Но я клянусь, Роберт, в прошлый понедельник у нас в доме был не этот мужчина, у нас был Маркус. Я позвала Маркуса, потому что я захотела рассказать ему о своих взаимоотношениях с этим моим мужчиной. Мне нужно было кому-то это рассказать, мне нужен был совет, как мне поступить. И мы с Маркусом проговорили до поздней ночи. И, уходя, он посоветовал мне, чтобы я во всем тебе призналась, Роберт, потому что нельзя жить во лжи. Маркус сказал, что если ты даже и не сможешь простить меня, то ты, во всяком случае, поймешь меня. Нельзя жить во лжи. Прости меня, Роберт, я какое-то время жила во лжи, я обманывала тебя, я поступила очень жестоко по отношению к тебе. Но

вот теперь ты знаешь все, Роберт. Теперь ты знаешь всю правду обо всем. И о том, что у меня был мужчина, и о том, что мы с ним расстались, и о том, для чего Маркус приходил ко мне в прошлый понедельник.

ЙОЗЕФ. Ну а как же быть с госпожой Гертрудой, которая в прошлый понедельник разговаривала с Маркусом о сущности исповеди? И как быть с моей женой Мартой, которая тоже все подтверждает.

ЕЛЕНА. Дональд все как-то хитро подстроил, Роберт. Я уверена, что он подговорил этих бедных женщин, а может, и припугнул, с него ведь это станет. В прошлый понедельник у нас был Маркус, честное слово, Роберт, я уже во всем тебе призналась, но сам подумай, ну какой мне смысл врать?

Пауза.

МАРК. Да, действительно, нет никакого смысла.

ЙОЗЕФ. Ну а какой смысл врать мне, Роберт?

МАРК. Тоже никакого.

Пауза.

МАРК. Ни в чем нет никакого смысла. Весь этот мир простая бессмыслица. Вот и все.

Пауза.

ЕЛЕНА. Женщина должна подчиняться мужчине, только в этом ее спасение, только в этом ее смысл. Женщина должна принадлежать. У нее не должно быть свободы выбора. Вот раньше, например, женщину выдавали замуж против ее воли, и потом она всю жизнь служила своему мужу. Да и сейчас в некоторых странах этот уклад еще сохраняется. Но в нашей цивилизации уже давно все по-другому. У нас, женщин, как будто бы есть выбор, мы как будто бы свободны. Но эта свобода, которая нам дана, она на самом деле не является настоящей свободой, потому что суть женщины, ее смысл в том, чтобы принадлежать, в том, чтобы отдать свою свободу своему мужчине. Хотим мы этого или нет, согласны мы с этим или нет, но само наше женское существо устроено именно так, чтобы отдавать себя. Женщина отдает, а мужчина берет. Бог создал женщину из ребра мужчины и повелел ей слушаться его и почитать его как господина своего. И возможно, я была бы согласна с этим, но только вся моя проблема в том, что я хотела бы принадлежать и служить мужчине, который был бы достоин того, чтобы повелевать мной. И в этом проблема всего нашего современного общества, и в этом проблема всего этого так называемого демократического общества. Мы решили, что мы можем выбирать, что лучше для нас. И вот как только мы решили, что мы можем выбирать, то с этой самой секунды мы и не можем выбрать. Мы сами выбираем, что лучше для нас, – в этом наша проблема. А между тем то, что лучше для нас, должен решать Бог. Вот в этом вся наша проблема, понимаете? Поэтому как только женщина решила, что она будет выбирать себе мужчину, то с этой самой секунды она стала искать себе того, кто мог бы ей подойти, она стала искать себе того, кому она могла бы послужить. Но таких мужчин в мире нет. Таких мужчин в мире нет. Очень трудно найти себе такого мужчину, которому я смогла бы послужить. Очень трудно в наши дни найти такого мужчину, перед которым я смогла бы смиренно склонить голову. Я лично искала очень долго и до сих пор не нашла. Я не нашла ни одного мужчины, которому я бы смогла отдалась всем своим существом и которому я смогла бы принадлежать. И в этом проблема. Раньше-то ведь мужчины, наверное, были еще хуже, чем теперь, но женщины тогда не выбирали, а любили того, кого посылал им Господь. А сегодня я хочу выбирать, и поэтому я не могу

найти себе господина своего. Не могу, потому что я знаю, каким он должен быть. И вот это мне мешает. Я знаю, каким он должен быть. То же самое и с Богом. Я знаю, каким Он должен быть, поэтому я и не могу найти себе подходящего Бога, которому я буду служить. Потому что я сама выбираю его себе. А что это за слуга, который подбирает себе господина своего? Вот поэтому и нет женщинам счастья в этом мире. Потому что мы теперь сами решили искать себе мужчин. Не Бог дает нам того, кого мы достойны, а мы сами ищем того, кто достоин нас. Ну а если бы нас не спрашивали, как и прежде, если бы нас отдавали против нашей воли, если бы мы почитали и служили бы любому мужчине, который стал нашим мужем, если бы мы в лице мужа нашего видели господина нашего, видели бы прообраз Создателя нашего, то вот тогда и женское счастье было бы нам доступно, и были бы мы, женщины, целостны, мудры и благопристойны, как и раньше. Вот так.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Ты это серьезно?

ЕЛЕНА. Абсолютно.

МАРК. А разве причина не в том, что мир – это просто чудовище, пожирающее своих собственных детей, вот и все?

ЕЛЕНА. Причина в том, что в нашей жизни нет никого, кроме нас самих, мы живем сами по себе, мы сами с собой наедине. Мы одни. Вот в этом причина.

ЙОЗЕФ. Ты серьезно так думаешь?

ЕЛЕНА. Абсолютно.

МАРК. Но ведь мы умны, и с этим ничего не поделаешь. Я знаю про этот мир что-то такое, что мешает мне поверить и согласиться с тем, что ты тут только что сказала. Поэтому, если уж и говорить о главной проблеме, так она именно в том, что мы умны. Не все, но многие из нас. И вот тот, кто умен, тот и несчастен. Но ведь я же не виноват в том, что я умен.

ЕЛЕНА. А кто в этом виноват?

МАРК. Ну, если уж на то пошло, то вы, женщины. Ева в этом виновата, та самая, которая уговорила Адама съесть яблоко познания. Мы съели это яблоко. И теперь мы умны. И мы знаем, что все, о чем ты тут говорила, на самом деле не совсем так. Или совсем не так. Поэтому мы и страдаем, потому что мы все знаем, а то, о чем мы не знаем, о том мы догадываемся. Вот и все.

ЙОЗЕФ. Ну а разве нет возможности нам снова как-нибудь поглупеть?

МАРК. Думаю, что нет, поскольку я не могу не знать о том, о чем я уже знаю.

ЕЛЕНА. Ну и что же ты знаешь?

МАРК. Я знаю все. В этом-то и есть моя главная проблема – проблема в том, что я знаю все. Я знаю все, и поэтому знание для меня закрыто, я не могу ничего узнать, так как я уже и так все знаю. И вот в этом, я думаю, и заключается причина той катастрофы, которая постигла мир. Мы все знаем.

ЕЛЕНА. И ты тоже все знаешь, Дональд?

ЙОЗЕФ. К сожалению, да.

ЕЛЕНА. Значит, ты знаешь, где в прошлый понедельник был Маркус?

ЙОЗЕФ. Ну конечно, я знаю. В прошлый понедельник он был у меня.

ЕЛЕНА. Но ведь это не так, Дональд. И ты знаешь, что это не так. И ты знаешь, что в прошлый понедельник Маркус был у меня.

ЙОЗЕФ. Маркус был у меня, Роберт, поверь мне.

ЕЛЕНА. Он был у нас в доме, дорогой, так что поверь мне.

Пауза.

ЙОЗЕФ. Лучше уж ты поверь мне, Роберт.

ЕЛЕНА. Нет, лучше уж ты поверь мне, мой дорогой.

МАРК. Ну почему этот мир – такое чудовище? Чудовище, пожирающее своих собственных детей? Почему этот жуткий мир такой кровожадный, почему он откусывает головы своим собственным детям? Что мы такого сделали, в чем провинились? За что нам все это? За что нам это? За что?

ЙОЗЕФ. А разве ты, Роберт, не голосовал за нынешнего президента? Конечно, ты голосовал. А разве твой нынешний президент не выступает в поддержку бомбардировок Ирака, разве он не поддержал президента Соединенных Штатов Америки, который приказал своим летчикам наносить бомбовые удары по городам с мирными иракскими жителями и не только это. А разве от этих бомб не погибли чьи-нибудь дети? А разве матери этих детей, выбежав на улицу с мертвыми детьми на руках, не кричали: «За что нам все это? В чем мы провинились?», разве они не считают этот мир чудовищем, откусившим головы их детей, Роберт? Кто в этом виноват? В этом виноваты: летчики, сбросившие эти бомбы, президент США, отдавший приказ, твой президент, поддержавший эти бомбардировки, и ты, проголосовавший за своего президента.

МАРК. И поэтому моя жена изменяет мне с другим мужчиной в моей собственной постели? Это что, кара божья за то, что я сходил на выборы?

ЕЛЕНА. Я никогда не спала с этим мужчиной в нашей постели, Роберт, мы с этим мужчиной всегда встречались в гостинице.

МАРК. Хорошо, тогда я поставлю вопрос иначе: есть ли хоть что-нибудь святого в этом мире? Есть хоть что-нибудь святое в этом мире или нет?

Пауза.

МАРК. Дональд?

ЙОЗЕФ. Я думаю, что ничего святого нет, дружище.

МАРК. А ты, Сарра, ты как думаешь?

ЙОЗЕФ. Сейчас она скажет – Бог.

Пауза. Елена закрывает глаза.

МАРК. Сарра?

Елена открывает глаза и смотрит на Марка.

ЕЛЕНА. Чтобы этот дождь перестал лить.

МАРК. Ты это серьезно, Сарра?

ЕЛЕНА. Ну конечно, это очень серьезно, Роберт.

МАРК. Значит, ты видишь главную причину трагедии нашей жизни в этом дожде, который льет уже третий день и никак не может перестать?

ЕЛЕНА. Да, я думаю, что проблема именно в этом, Роберт. И Дональд тоже так думает, он мне сам недавно сказал об этом.

ЙОЗЕФ. Я вижу причину именно в этом дожде, Роберт. Дождь льет уже три дня и не перестает ни на минуту. Эти капли! Они все время падают на крышу и карниз моего окна, и с этим невозможно смириться, это невозможно принять, Роберт. Шлеп, шлеп, шлеп.

МАРК. Значит, вы это серьезно? Значит, я не один так думаю?!

ЕЛЕНА. Что-что? Ты тоже так думаешь, Роберт?

МАРК. Ну конечно. Просто я боялся признаться в этом, боялся признаться не только вам, но и самому себе. Когда три дня назад этот дождь начал лить, я подумал, должно быть, это ненадолго, ведь, в конце концов, сейчас конец ноября, и пора бы уже в наших северных краях выпасть первому снегу. Но когда я проснулся сегодня утром и увидел, что по-прежнему льет как из ведра, я почувствовал, что во мне что-то сломалось, что-то оборвалось во мне где-то очень, очень глубоко, в самой моей глубине, что-то там оторвалось или, вернее, разбилось на части из-за этого дождя. Там внутри меня сегодня случилось что-то непоправимое, как будто там внутри меня со шкафа упала очень дорогая ваза и разбилась вдребезги. Что-то там сломалось внутри меня из-за непрерывности этого дождя, из-за всех этих капель, которые, как справедливо заметил Дональд, стучат и стучат о мой карниз. Я почувствовал, как сотни мелких осколков разлетелись по всей моей душе, по всему моему сердцу, я сам словно дал трещину и весь искривился. И тогда я подумал, что вот, наверное, во всем, что со мной происходит, виноват этот проклятый дождь, что вот, наверное, это из-за дождя вся моя жизнь пошла вкривь и вкось, но потом я подумал, что вряд ли это возможно, чтобы из-за обыкновенного дождя целая жизнь оказалась расколотой на части, вряд ли так может быть, наверное, я тут чего-то не понимаю? Наверное, я тут чего-то не понимаю об этой жизни? И тогда я решил, что дело тут, конечно, в чем-то совсем другом, наверное, у всего этого есть более глубокие причины, чем этот дождь? И я стал искать эти причины. Но я не смог их найти. Причины моей трагедии оказались скрыты от меня самого. Я не смог их обнаружить. Причины моей трагедии так и остались мне неизвестны.

ЙОЗЕФ. Это этот проклятый дождь, Роберт.

МАРК. Да, теперь я это окончательно понял, Дональд.

ЙОЗЕФ. Ну вот, я очень рад, что ты это понял, дорогой друг.

МАРК. Да, теперь я это понял на все сто процентов. И все это благодаря Сарре.

ЕЛЕНА. Это все благодаря Дональду, Роберт. Это он первый начал открыто говорить об этом.

МАРК. Спасибо, Дональд.

ЙОЗЕФ. Ну что вы! Не стоит говорить об этом. Мы все в глубине души знали, что это так.

ЕЛЕНА. Что касается меня, то еще три дня назад, как только с неба начали падать первые капли, я сразу же подумала: «Кажется, в моей жизни наступают не самые простые времена», – и так оно и произошло.

ЙОЗЕФ. Хорошо еще, что мы друзья, и мы можем поддержать друг друга в этой сложной ситуации.

МАРК. Да-да, это так важно – быть друг с другом, спорить друг с другом, не соглашаться, противостоять, но все-таки любить друг друга. Я так люблю вас, друзья мои. Сарра! Дональд!

ЙОЗЕФ. Роберт, Сарра.

Марк, Елена и Йозеф обнимают друг друга. Они стоят, обнявшись, как три школьных друга.

ЕЛЕНА. Господи, это так хорошо – иметь друзей, которые старше и мудрее тебя, у которых можно чему-то научиться, у которых можно набраться жизненного опыта, у которых можно научиться мудрости.

Роберт, Дональд, я так люблю вас.

ЙОЗЕФ. Что-то во мне сейчас щекочет, как воробей, что-то там внутри меня сейчас щекочет и щебечет, как пташка, и собирается вырваться наружу, какая-то птица летает во мне туда и сюда, в моем сердце, мечется, как воробей, и не может вырваться наружу, что это такое я чувствую внутри себя, такое прекрасное и такое беспокойное, а?!

МАРК. Ой, и у меня что-то там царапает изнутри, как будто кошка пробралась в мой живот и там чешет свои лапы, что это за чесотка такая там у меня внутри, что это за приступ счастья там у меня внутри, а?! А?!

ЕЛЕНА. Как будто внутри меня кто-то моет пол и щекочет меня своей тряпкой, да и еще и поет.

МАРК. О! Ну что ты! Еще как поет! Кто же это вдруг так запел у меня внутри?

ЕЛЕНА. А еще и пляшет у меня внутри целые танцы!

ЙОЗЕФ. Птицы, целые стаи птиц летают у меня внутри и щекочут меня своими крыльями. Ой, ну-ка, вы, птицы! Ну-ка вы немедленно перестаньте щекотать меня, а то я вас, ух! Я вам! Ух я вас! Ух, птицы! Ух!

МАРК. Поют там внутри так, что сердце мое пляшет и сейчас выскочит наружу. Спокойно, мое сердце, спокойно, это только шутка, это только, ух, шутка, это шутка, ух, ух!

ЕЛЕНА. Ой, не нужно меня щекотать. Ай!

МАРК. Я не могу ничего поделаться, мои руки сами лезут к твоим бокам, чтобы почесать их.

ЕЛЕНА. Ой, что ты делаешь, мне очень щекотно, перестать. Ай! Ай! Ай!

ЙОЗЕФ. И меня пощекочи, и меня, пожалуйста.

МАРК. Ну держись.

ЙОЗЕФ. Ай, как щекотно, ой! Перестань, я прошу тебя, переста-а-ань! Ай!

МАРК. Ты же сам просил меня тебя щекотать, дружище?!

ЙОЗЕФ. Да это я так, говорю «перестань», потому что так положено, на самом деле давай жаль меня приятель, как только можешь.

МАРК. Это летние осы кусают вас в ноябре.

ЕЛЕНА. Ай! Ай-ай-ай!

ЙОЗЕФ. Летние осы, ай! Ай-ай-ай! Ну теперь и ты держись, приятель. Летние осы летят на тебя.

МАРК. Ого! Ай-ай-ай! Щекотно!

ЕЛЕНА. А вот тут и мои летние осы прилетели к нему на помощь!

МАРК. Ой! Как щекотно! Ой-ой-ой! Перестаньте, вас двое, так нечестно!

ЙОЗЕФ. Летние осы кусают нас даже в ноябре. Ж-ж-ж, ж-ж-ж.

МАРК. Ах так! Ну держитесь оба. Вот на вас нападают святые летние осы, берегитесь.

ЕЛЕНА. Ой, как они больно щиплются!

МАРК. Потому что это не простые пчелы, а святые летние пчелы! Вот что поистине есть святого в этом мире – святые летние пчелы. Которые кусают даже в ноябре!

ЙОЗЕФ. Ой! Ой, действительно очень больно! Ах так, ну тогда святые летние пчелы летят на тебя! Помогай своими осами, мы вместе летим на него!

МАРК. Уф, как больно!

ЙОЗЕФ. А что ты хотел, святые пчелы?!!

МАРК. Думаете, я струшу? Ну держитесь.

ЕЛЕНА. Ай-ай-ай! Ай!

ЙОЗЕФ. Ой-ой-ой!

МАРК. Ай! Ай! Ай!

Марк, Елена и Йозеф щекочат друг друга и смеются.

ЗАНАВЕС